

Ганс Гейнц Эверс Белая девушка

Дональд Маклин ожидал его в кафе. Когда Лотар вошел, он крикнул ему:

- Наконец! Я думал, что вы уже не придете.

Лотар сел и стал помешивать лимонад, который ему подала девушка.

- В чем дело? - спросил он.

Маклин слегка наклонился к нему.

- Это должно заинтересовать вас, - сказал он, - ведь вы изучаете превращения Афродиты. Ну-с, так вам, быть может, удастся увидеть Пеннорожденную в новом одеянии.

Лотар зевнул:

- А! В самом деле?

- В самом деле! - подтвердил Маклин.

- Позвольте минутку, - продолжал Лотар. - Венера - истинная дочь Протея, но мне думается, что я знаю все ее маскарады. Я был год тому назад в Бомбее у Клауса Петерсена.

- Ну так что же? - спросил шотландец.

- Как что же? Стало быть, вы не знаете Клауса Петерсена? Петерсен из Гамбурга - талант, может быть, даже гений. Маршал Жиль де Рэ - шарлатан в сравнении с ним.

Дональд Маклин пожал плечами:

- Это не есть что-нибудь исключительное!

- Конечно. Но погодите: Оскар Уайльд был, как вам известно, мой лучший друг. Затем в течение долгих лет я знал Инес Секкель. Каждое из этих имен должно вызвать в вас целую массу сенсационных впечатлений.

- Но не все! - заметил художник.

- Не все? - Лотар побарабанил пальцами по столу. - Но во всяком случае лучшие. Итак, я буду краток: я знаю Венеру, которая превращается в Эроса. Я знаю ее, когда она надевает шубу и размахивает бичом. Я знаю Венеру в образе Сфинкса, кровожадно вонзающего когти в нежное детское тело. Я знаю Венеру, которая сладострастно нежится на гнилой падали, и я знаю также черную богиню любви, которая во время черной мессы приносит гнусную жертву Сатане над белым телом девы. Лоретт Дюмон брала меня в свой "зоологический сад", и мне известно то, что знают лишь немногие, - те редкостные восторги, которые творит Содом. Более того: я открыл в Женеве у леди Кэтлин Макмардокс секрет, о котором ни один живой человек ничего не подозревает. Я знаю испорченнейшую Венеру или, быть может, я должен сказать "чистейшую", которая сочетает браком человека с цветами. Неужели вы после всего этого все еще полагаете, что богиня любви может надеть такую маску, которая окажется для меня новой?

Маклин медленно курил сигару.

- Я вам ничего не обещаю! - сказал он. - Я знаю только, что герцог Этторе Альдобрандини уже три дня, как вновь в Неаполе. Я встретил его вчера на Толедо.

- Я был бы рад познакомиться с ним! - сказал Лотар. - Я уже неоднократно слышал о нем. По-видимому, это один из тех людей, которые умеют делать из жизни искусство, - и имеют средства для этого.

- Я думаю, что сейчас не стоит много рассказывать вам о нем, продолжал шотландский художник. - вы можете в скором времени сами убедиться во всем этом. Послезавтра у герцога собирается общество, и я хочу ввести вас туда.

- Благодарствуйте! - промолвил Лотар.

Шотландец рассмеялся:

- Альдобрандини был очень весел, когда я встретился с ним. Это во-первых. Во-вторых, он пригласил меня к себе в самое необычайное время: пять часов пополудни. Все это, очевидно, не без основания. Я уверен, что герцог готовит для друзей совсем особенный

сюрприз. Если мои предположения оправдаются, то вы можете быть уверены, что мы испытаем нечто неслыханное. Герцог никогда не идет протоптанными путями.

- Будем надеяться, что вы правы, - вздохнул Лотар. - Значит, я буду иметь удовольствие застать вас послезавтра дома?

- Пожалуйста! - промолвил художник. * * * - Largo San Domenico! крикнул Маклин кучеру. - Palazzo Corigliano! Они поднялись по широкой лестнице; английский слуга ввел их в салон. Там они встретили пять или шесть мужчин во фраках и среди них духовное лицо в фиолетовой сутане.

Маклин представил своего друга герцогу, который протянул ему руку:

- Я очень благодарен. Что вы пожаловали сюда, - сказал он с любезной улыбкой. - Я надеюсь, что вы не будете очень разочарованы!

Он поклонился и затем громко объявил всем присутствующим:

- Господа, - проговорил он, - прошу у вас извинения, что я пригласил вас в такое неподходящее время. Но таковы обстоятельства: маленькая козочка, которую я буду иметь честь представить вам сегодня, принадлежит, к сожалению, к очень почтенной и приличной семье. Ей пришлось преодолеть величайшие затруднения для того, чтобы прийти сюда, и она должна во что бы то ни стало быть снова дома к половине седьмого, чтобы отец. Мать и англичанка-гувернантка ничего не заметили. А это такое обстоятельство, господа, которое должно быть принято во внимание каждым джентльменом. С вашего позволения я вас теперь покину на минутку, так как должен сделать еще некоторые приготовления. А пока позвольте предложить вам скромное угощение!

Герцог кивнул слуге, поклонился еще раз гостям и вышел из комнаты.

К Лотару подошел господин с огромными, как у Виктора-Эммануила, усами. Это был ди Нарди, редактор политического отдела в "Pungolo", писавший под псевдонимом "Fuoco".

- Держу пари, что мы сегодня увидим арабскую комедию! - рассмеялся он. - герцог приеха сюда прямо из Багдада.

Патер покачал головой.

- Нет, дон Готтфредо, - промолвил он, - мы будем наслаждаться римским Ренессансом. Герцог уже год изучает Вальдомини - "Секретную историю Борджиа". - которую ему после долгих просьб дал директор государственного архива в Северино.

- Посмотрим! - сказал Маклин. - Кстати, не можете ли вы дать мне те справки, которые обещали?

Редактор вытащил записную книжку и углубился в тихий разговор с патером и шотландским художником. Лотар медленно ел апельсиновое мороженое на хрустальном блюдечке и рассматривал изящную золотую ложечку с гербом герцога.

Спустя полчаса слуга распахнул портьеру.

- Герцог просит пожаловать! - провозгласил он.

Он провел гостей через две маленькие комнаты, затем открыл двойную дверь, впустил всех и быстро запер ее за ними.

Гости очутились в очень слабо освещенной длинной и большой комнате. Пол был затянут красным, как вино, ковром. Окна и двери задернуты тяжелыми занавесями того же цвета. В тот же цвет был выкрашен и потолок. Совершенно пустые стены были покрыты красными штофными обоями, и такую же материей были обиты немногочисленные кресла, диваны и кушетки, расставленные вдоль стен. Противоположный конец комнаты был погружен в полную тьму, и только с трудом можно было различить там нечто большое, покрытое сверху тяжелой красной тканью.

- Прошу вас, господа, занять места! - проговорил герцог.

Он сел, и все остальные последовали его примеру. Слуга торопливо ходил от одного бронзового бра к другому и гасил немногочисленные свечи.

Когда воцарилась совершенная тьма, слышались слабые звуки рояля. Тихо пронеслась по залу вереница трогательных и простых мелодий.

- Палестрина! - пробормотал патер. - Видите, как вы были неправы с вашими

арабскими предположениями, дон Готтфредо!

- Ну да! - возразил редактор так же тихо. - А вы были более правы с вашим Цезарем Борджиа?

Теперь стало слышно, что инструмент, на котором играли, был старинный клавесин. Простые звуки пробудили у Лотара странное ощущение. Он вдумывался, но никак не мог в точности определить, что это было, собственно, такое? Во всяком случае это было что-то такое, чего он уже давно не испытывал.

Ди Нарди наклонился к нему. Так что его длинные усы зашевелили щеку Лотара.

- Я понял! - прошептал он Лотару на ухо. - Я и не знал, что еще могу быть таким наивным!

Лотар почувствовал, что он прав.

Через некоторый промежуток времени безмолвный слуга зажег две свечи. Тусклое, почти неприятное мерцание разлилось по зале.

Музыка зазвучала далее!

- И, несмотря на это, - прошептал Лотар своему соседу, - несмотря на это, в тональностях слышится странная жестокость. Я мог бы сказать: невинная жестокость.

Молчаливый слуга зажег еще две свечи. Лотар пристально вглядывался в красный полусумрак, который наполнял все пространство, словно кровавый туман.

Этот кровавый цвет почти душил его. Его душа устремлялась к звукам, которые пробуждали в ней ощущение тускло светящейся белизны. Но красное выступало на первый план, побеждало: все более и более свечей зажигал безмолвный слуга.

Лотар услышал, как редактор пробормотал сквозь зубы:

- Этого невозможно более выносить!

Теперь зала была полностью освещена. Красное, казалось, все покрыло своим властным сиянием, и Белое невинных мелодий становилось все слабее, все слабее!

И вот от клавесина выступила вперед белая фигура - молодая девушка, закутанная в большое белое покрывало. Она тихо вышла на середину залы, словно сверкающее белое облако в красном зареве. Молодая девушка вышла на середину залы и остановилась. Она раскрыла руки, и белое покрывало упало вокруг нее. словно немой лебедь, оно целовало ее ноги, и белизна обнаженного девичьего тела засверкала еще более.

Лотар склонился вперед и невольно поднял руку к глазам.

- Это почти ослепляет, - прошептал он.

Это была молодая, едва развившаяся девушка, восхитительно незрелая, как чуть распустившаяся почка. Властная, не нуждающаяся ни в какой защите невинность - и в то же время откровенное обещание, которое заставляло бодрствовать жгучие безграничные желания. Иссиня-черные волосы, разделенные посередине пробором, струились по вискам и ушам, чтобы сплестись сзади в тяжелый узел. Большие черные глаза смотрели прямо на присутствующих, но безучастно, не видя никого. Они, казалось, улыбались, так же, как и губы, странная бессознательная улыбка жесточайшей невинности.

И лучистое белое тело сияло так сильно, что все красное кругом, казалось, отступало. И музыка звучала торжеством и ликованием!

И только теперь Лотар заметил, что девушка держала на руке белоснежного голубя. Она слегка склонила голову и подняла руку, и белый голубь вытянул головку вперед.

И белая девушка поцеловала голубя. Она гладила его и щекалала ему головку, тихонько сжимала ему грудь. Белый голубь приподнял немного крылья и прильнул крепко-крепко к сияющему телу.

- Святой голубь! - прошептал патер.

И вдруг - внезапным, быстрым движением белая девушка подняла обеими руками голубя прямо над своей головой. Она закинула голову назад - и тогда, и тогда сильным движением рук она разорвала голубя пополам. Красная кровь хлынула вниз, не задев ни единой каплей лица, и потекла длинными ручьями по плечам и груди, по сверкающему телу белой девушки.

Кругом со все сторон надвинулось Красное. И казалось, что белая девушка тонет в мощном кровавом потоке. Дрожа, ища помощи, она склонилась на колени. И вот повсюду пополз пламенный страстный жар, пол раскрылся. Как огненный зев, - и ужасное Красное поглотило белую девушку.

Через секунду зияющий провал сомкнулся. Безмолвный слуга задвинул портьеры и быстро вывел гостей в переднюю комнату.

Ни у кого не было охоты промолвить хотя бы единое слово. Все молча надели пальто и вышли. Герцог исчез.

* * * - Господа! - обратился на улице редактор "Pungolo" к Лотару и шотландскому художнику. - пойдете ужинать на террасу Бертолини!

Все трое отправились туда. Молча пили они шампанское, молча созерцали жестокий и прекрасный Неаполь, погруженный последними лучами солнца в огненный, пылающий блеск.

Редактор вытащил записную книжку и записал несколько цифр.

- Восемнадцать - кровь. Четыре - голубь. Двадцать один - девушка, промолвил он. - На этой неделе я поставлю в лото прекрасное terno!